Lunin, V. A.

Zhizneopisanie velikago russkago poeta

Moskva

1899

Reel: 49 Title: 11

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OCI00049.11

Control Number: BGM-1908
OCLC Number : 24859865
Call Number : W 381.5917B P979L
Author : Lunin, V. A.
Title : Zhizneopisanie velikago russkago poeta Aleksandra Sergieevicha Pushkina / sostavlennoe V.A. Luninym.
Imprint : Moskva : Izdanie E. I. Konovalovoi, 1899.
Format : 32 p. ; 17 cm.
Note : Illustrated cover.
Subject : Pushkin, Aleksandr Sergeevich, 1799-1837 Biography.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-28-94
Camera Operator: CS

w WX

Столѣтняя годовщина со дня рожденія

Жизнеописаніе Великаго Русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина.

1799 г. 1899

столѣтней годовщины со дня рожденія
Жизнеописаніе Великаго Русскаго поэта
Пушкина
Александра Сергѣевича
1799 г.
1899

толѣтняя годовщина со дня рожденія.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

ВЕЛИКАГО РУССКАГО ПОЭТА

лександра Сергѣевича

ПУШКИНА.

Lunin, V. A., comp.

Составленное В. А. Лунинымъ.

МОСКВА.
Изданіе Е. И. Коноваловой.
1899.

Дозволено цензурою Москва, 3 апрѣля 1899 г.

Великій Русскій поэтъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился 26 мая 1799 года въ Москвѣ на Молчановкѣ.

Сергѣй Львовичъ отецъ его, служившій въ Петербургѣ, въ Егерскомъ полку, за годъ до рожденія Александра Сергѣевича, вышелъ въ отставку поручикомъ и переѣхалъ на жительство, сначала въ сельцо Захарьино верстахъ въ 40 отъ Москвы, которое бабушка Александра Сергѣевича по матери купила, послѣ продажи села Кобрина подъ Петербургомъ. Воспріемникомъ новорожденнаго былъ графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ.

Всѣхъ дѣтей Сергѣя Львовича, и въ томъ числѣ и Александра Сергѣевича выняньчила крѣпостная женщина Пушкиныхъ Арина Родіоновна. Она принадлежала къ типическимъ и благороднѣйшимъ лицамъ Русскаго міра. Соединеніе добродушія и ворчливости, нѣжнаго расположенія къ молодости, съ притворною строгостію, оставили въ сердцѣ Александра Сергѣевича неизгладимое воспоминаніе. Онъ любилъ ее родственною, неизмѣнною любовью и, въ годы возмужалости и славы своей бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ. Это объясняется еще и другимъ достоин-

ствомъ Арины Родіоновны: весь сказочный русскій міръ былъ ей извѣстенъ, какъ нельзя короче и передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у ней съ языка. Большую часть русскихъ былинъ и пѣсенъ, которыя зналъ Александръ Сергѣевичъ, слыхалъ онъ въ дѣтствѣ отъ Арины Родіоновны. Такъ что можно сказать, что первымъ знакомствомъ своимъ съ источниками народной русской поэзіи онъ обязанъ своей нянѣ.

Въ числѣ писемъ къ Пушкину отъ всѣхъ знаменитостей Русскаго общества современнаго ему, находятся записки Родіоновны, которыя онъ берегъ наравнѣ съ другими. Арина Родіоновна была безграмотна и подъ ея диктовку писали другіе. Вотъ образчикъ ея письма въ 1826 г.:

«Любезный мой другъ Александръ Сергѣевичъ — я получила письмо и деньги, которыя вы мнѣ прислали. За всѣ ваши милости я вамъ всѣмъ сердцемъ благодарна — вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ и только, когда засну, забуду васъ. Пріѣзжай, мой ангелъ, къ намъ въ Михайловское — всѣхъ лошадей на дорогу выставлю. Я васъ буду ожидать и молить Бога, чтобы Онъ далъ намъ свидѣться. Прощай мой батюшка Александръ Сергѣевичъ. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебенъ отслужила — поживи, дружечекъ, хорошенько, — самому слюбится. Я слава Богу здорова — цѣлую ваши ручки и остаюсь васъ многолюбящая ваша няня Арина Родіоновна».

Чуднымъ отвѣтомъ на это письмо служитъ не изданный отрывокъ Пушкина, который приводимъ здѣсь:

„Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!..
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытые вороты
На черный, отдаленный путь,
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь,
То чудится тебѣ“.....

Арина Родіоновна умерла въ 1828 году въ домѣ своей питомицы Ольги Сергѣевны Павлищевой, сестры Александра Сергѣевича.

Воспитаніе дѣтей въ семействѣ Сергѣя Львовича ничѣмъ не отличалось отъ общепринятой тогда системы. Какъ и во всѣхъ хорошихъ домахъ того времени, имъ наняли гувернеровъ, гувернантокъ, учителей и подчинили ихъ совершенно этимъ воспитателямъ. Сергѣй Львовичъ былъ отъ природы человѣкъ добрый, но вспыльчивый. При малѣйшей жалобѣ гувернеровъ и гувернантокъ онъ сердился, выходилъ изъ себя, но гнѣвъ его проистекалъ отъ врожденнаго отвращенія ко всему, что нарушало его спокойствіе, и скоро проходилъ. Онъ не любилъ заниматься серьезными дѣлами по дому, воспитанію и хозяйству, предоставивъ все это въ распоряженіе своей супруги Надежды Осиповны.

До семилѣтняго возраста Александръ Сергѣевичъ не предвѣщалъ ничего особеннаго; напротивъ, своею неповоротливостію, тучностію, ро-

бостію и отвращеніемъ къ движеніямъ, онъ приводилъ въ отчаянье мать свою Надежду Осиповну, женщину умную, прекрасную собою, страстную къ удовольствіямъ, какъ и всѣ окружавшіе ее, но имѣвшую въ характерѣ тѣ черты, которыя заставляютъ дѣтей повиноваться и вѣрнѣе дѣйствуютъ на нихъ, чѣмъ, мгновенный гнѣвъ и вспышка. Впрочемъ она не могла скрыть предпочтительной любви своей сначала къ дочери, а потомъ къ меньшему сыну.

Не избалованный съ дѣтства Александръ Сергѣевичъ различными угожденіями, онъ легко переносилъ лишенія и рано привыкъ къ мысли— искать опоры въ самомъ себѣ. Надежда Осиповна заставляла его бѣгать и играть съ сверстниками, съ трудомъ побѣждая и лѣность его и молчаливость. Разъ на прогулкѣ, никѣмъ не замѣченный онъ отсталъ отъ общества и преспокойно усѣлся среди улицы. Въ такомъ положеніи онъ пробылъ до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ, что изъ одного дома кто-то смотритъ на него и смѣется. «Ну нечего скалить зубы! — сказалъ онъ съ досадой и отправился домой. Когда настойчивыя требованія матери или гувернеровъ превосходили мѣру терпѣнія его, онъ убѣгалъ къ бабушкѣ своей Марьѣ Алексѣевнѣ, залѣзалъ въ ея корзину и долго смотрѣлъ на ея работу. Въ этомъ убѣжище уже никто не тревожилъ его. Марья Алексѣевна была первой наставницей своего внука въ русскомъ языкѣ. Вторымъ русскимъ учителемъ его былъ Шиллеръ. Впрочемъ труды этого учителя не могли принести добрыхъ плодовъ въ это время, потому что маленькій Пушкинъ и сестра его писали и твердили уроки изъ всѣхъ предметовъ по французски. Иностран-

нымъ языкамъ его учили Монфоръ, Русло и Шедель. Настоящимъ, дѣльнымъ наставникомъ въ Русскомъ языкѣ, ариѳметикѣ и законѣ Божіемъ былъ у него почтенный священникъ Маріинскаго Института Александръ Ивановичъ Бѣликовъ. Когда для сестры Пушкина наняли англичанку, то онъ учился по англійски, но плохо, а по нѣмецки вовсе не учился.

Возлагая всѣ свои надежды на память онъ повторялъ уроки за сестрой, когда ее спрашивали первою, но за то ничего не зналъ, когда экзаменъ начинался съ него; заливался слезами надъ четырьмя правилами ариѳметики, которую вообще плохо понималъ. Особенно дѣленіе, говорятъ, стоило ему многихъ слезъ. Съ 9-го года начала развиваться у него страсть къ чтенію, которая не покидала его во всю жизнь. Онъ прочиталъ сперва Плутарха, потомъ Иліаду и Одиссею, потомъ приступилъ къ библіотекѣ своего отца, которая была наполнена Французскими классиками XVII вѣка и философскими произведеніями XVIII вѣка. Сергѣй Львовичъ поддерживалъ въ дѣтяхъ любовь къ чтенію и иногда прочитывалъ въ ихъ обществѣ избранныя сочиненія. Но было еще недостаточно для Александра Сергѣевича, онъ проводилъ безсонныя ночи, тайкомъ забирался въ кабинетъ отца и безъ разбора читалъ всѣ книги, попадавшія ему подъ руку.

Между тѣмъ приближалось время общественнаго образованія, ему истекалъ 12 годъ. Глаза всѣхъ родителей были обращены на существовавшій въ Петербургѣ Іезуитскій Коллегіумъ, пріобрѣтшій извѣстность въ дѣлѣ воспитанія. Сергѣй Львовичъ поѣхалъ въ Петербургъ для

устройства этого дѣла и переговоровъ съ директорами заведенія, когда положеніе объ открытіи Царскосельскаго Лицея, измѣнило планы его. Директоромъ Лицея былъ назначенъ Василій Өеодоровичъ Малиновскій, съ которымъ Сергѣй Львовичъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. При помощи его, а особенно при содѣйствіи А. И. Тургенева 12 лѣтній Пушкинъ былъ принятъ въ счетъ тѣхъ 30 воспитанниковъ, изъ которыхъ, по положенію, долженъ былъ состоять весь Лицей. 12-го Августа 1811 года Александръ Сергѣевичъ держалъ экзаменъ и поступилъ въ Лицей. Тутъ онъ нашелъ дружескія привязанности, которымъ оставался вѣренъ во всю жизнь.

Учебная дѣятельность молодаго Пушкина была далеко не блестяща. При обширной памяти ему не доставало продолжительныхъ усилій вниманія. Къ тому же въ характерѣ его было какое-то нежеланіе выказывать и тѣ познанія, какія онъ пріобрѣлъ. Вѣроятно по этой причинѣ аттестатъ, выданный ему по окончаніи курса свидѣтельствовалъ о его посредственныхъ успѣхахъ. Въ архивѣ Лицея сохранились списки, въ которыхъ профессоръ Кайдановъ аттестовалъ Пушкина по Географіи, Всеобщей и Русской исторіи такъ: «при маломъ прилежаніи оказываетъ очень хорошіе успѣхи и сіе должно приписать однимъ только его прекраснымъ дарованіямъ; въ поведеніи рѣзвъ, но менѣе противу прежняго». У Куницына профессора Логики и нравственныхъ наукъ Пушкинъ аттестуется такъ: «весьма памятливъ, замысловатъ и остроуменъ, но крайне не прилеженъ. Онъ способенъ къ такимъ только предметамъ, которые требуютъ малаго напряже-

нія, а потому успѣхи его очень не велики, особенно по части Логики».

Замѣчательно, что въ Лицеѣ основныя черты характера А. С. Пушкина развернулись очень скоро, какъ будто имъ предоставленъ былъ просторъ и сняты были съ нихъ досадливыя помѣхи: съ одной стороны обнаружилось довѣрчивое и любящее сердце, съ другой расположеніе къ насмѣшкѣ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей, доводившее иногда многихъ до дѣтскаго отчаянія. Товарищи называли его французомъ, вѣроятно за превосходное знаніе французскаго языка, но, кромѣ того, въ этомъ названіи проглядывало не расположеніе ихъ къ живому и задорному мальчику. Только не многіе и въ томъ числѣ Дельвигъ, знали его душу, расположенную къ пріязни и откровенности.

На первыхъ порахъ въ Лицеѣ онъ писалъ стихи на французскомъ языкѣ. Когда же принялся за русскіе стихи движимый постояннымъ желаніемъ авторской славы, то съ перваго раза встрѣтилъ весьма строгаго цѣнителя въ профессорѣ Русской и Латинской словесности Н. Ѳ. Кошанскомъ, который даже старался отвратить его отъ попытокъ сочинительства и только позднѣе, убѣдившись въ талантѣ своего ученика, съ жаромъ принялся знакомить его съ теоріей Словесности ско, классическими произведеніями древности, и разсѣянность ученика и болѣзнь учителя, продолжавшаяся три года, много помѣшала успѣху этого дѣла.

Наклонность къ литературѣ составляла характеристическую черту лицейскаго воспитанія. Между прочимъ воспитанники выдумали замысловатую игру. — Составивъ одинъ общій кружокъ,

они обязывали каждаго или разсказать повѣсть, или по крайней мѣрѣ начать ее. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдующій за разсказщикомъ принималъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ она остановилась, другой развивалъ ее далѣе, третій вводилъ новыя подробности и такъ до окончанія. Дельвигъ первенствовалъ на этой, такъ сказать гимнастикѣ воображенія, его никогда нельзя было застать врасплохъ: интриги, завязки, развязки были у него всегда готовы. Пушкинъ уступалъ ему въ способности придумывать наскоро происшествія и часто прибѣгалъ къ хитрости. Помнятъ, что онъ разъ излежилъ изумленнымъ и восхищеннымъ своимъ слушателямъ исторію двѣнадцати спящихъ дѣвъ, умолчавъ объ источникѣ, изъ котораго почерпнулъ ее. При такомъ случаѣ онъ передалъ двѣ повѣсти, имъ самимъ придуманныя, которыя позднѣе появились въ повѣстяхъ Бѣлкина.

Первымъ изъ русскихъ стихотвореній Пушкина, написанныхъ въ Лицеѣ должно считаться его посланіе къ сестрѣ, не бывшее въ печати и слѣдующія стихотворенія, помѣщенныя въ Вѣстникѣ Европы, издававшемся Владиміромъ Васильевичемъ Измайловымъ. 1) Къ другу стихотворцу, 2) Колька, 3) Венерѣ отъ Лаисы при посвященіи ей зеркала. 4) Опытность и 5) Блаженство. Послѣднія два изъ приведенныхъ стихотвореній любопытны какъ ранѣе подражаніе Батюшкову.

Основной характеръ юношеской поэзіи Пушкина составляетъ веселый взглядъ на жизнь и стремленіе къ беззаботному наслажденію его, что и доставило ей успѣхъ въ публикѣ и между товарищами. Если разобрать стихотворенія съ 1815 по 1818 годъ и отдѣлить отъ нихъ подражанія

Пушкина всѣмъ предшественникамъ—Державину, Карамзину и Жуковскому—то остается еще большой отдѣлъ игривыхъ посланій, застольныхъ вакхическихъ пѣсенъ, которыя обязаны своимъ существованіемъ вліянію французскихъ, такъ называемыхъ анакреонтическихъ писателей. Стихотворенія эти были продолженіемъ той поэзіи, съ которой онъ познакомился у себя въ семействѣ. Не нужно пересчитывать многочисленныхъ произведеній этого отдѣла: они легко узнаются по притязанію на остроуміе, по небрежности картинъ и самаго хода ихъ. Между ними даже есть Русская сказка Бова, которая, не смотря на свое простонародное прозваніе и на подражаніе Карамзину, сильно походитъ на сказочку Вуазенона. Къ концу Лицейскаго поприща онъ предается вполнѣ міру фантазіи, почти безпрерывно задумываясь и сочиняя въ классахъ, играхъ и на прогулкахъ. Порывы пылкихъ страстей, которыя были въ крови его и такъ сильно ознаменовали его существованіе становятся виднѣе и чаще. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что и воображеніе молодаго Пушкина развивалось съ необычайной силой въ нѣсколько годовъ пребыванія въ Лицеѣ. Онъ даже во снѣ видѣлъ стихи и самъ разсказывалъ, что ему разъ приснилось двустишіе, къ которому онъ и прибавилъ въ послѣдствіи цѣлое стихотвореніе Лицинію, долго носившее обманчивую ссылку на латинскую словесность, откуда будто бы оно почерпнуто.

Въ лицеѣ Пушкинъ кончилъ курсъ 19-мъ ученикомъ и принадлежалъ ко 2 разряду. Вскорѣ по окончаніи курса былъ опредѣленъ на Государственную службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, съ чиномъ Коллежскаго секретаря. На-

прасно онъ до поступленія своего упрашивалъ отца своего опредѣлить его въ гусарскій полкъ, гдѣ у него было уже много друзей и почитателей. Сергѣй Львовичъ отказалъ ему въ просьбѣ, жалуясь на недостатокъ средствъ. Такимъ образомъ дѣтская мечта начать службу кавалерійскимъ офицеромъ неисполнилось.

Взявши отпускъ, онъ тотчасъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Михайловское, деревню Псковской губерніи. Въ бумагахъ Александра Сергѣевича найдена небольшая замѣтка объ этой поѣздкѣ, которая гласитъ: «вышедъ изъ Лицея я тотчасъ почти уѣхалъ въ деревню Михайловское, принадлежащее моей матери. Помню какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч.; но все это нравилось мнѣ не долго. Я любилъ и до нынѣ люблю шумъ и толпу». Эта замѣтка помѣчена 19-го Ноября 1824 года.

По возвращеніи въ Петербургъ онъ быстро расширилъ кругъ своего знакомства. Съ неутомимою жаждою наслажденій бросался онъ на удовольствія столичной жизни. Запасъ страстей, еще не растраченныхъ и не успокоившихся отъ годовъ, долженъ былъ, разумѣется, увлечь его за общимъ потокомъ еще болѣе, чѣмъ какое-либо правило, напередъ составленное для дѣйствій. Господствовавшій тонъ въ обществѣ тоже совпадалъ съ его наклонностями. Предпріимчивое удальство и молодечество, необыкновенная раздражительность, происходившая отъ ложнаго пониманія своего положенія и бывшая источникомъ многихъ ссоръ; беззаботная растрата ума, времени и жизни на знакомства, похожденія и связи всѣхъ родовъ — вотъ что составляло основный характеръ жизни Пушкина, какъ и многихъ

его современниковъ. Онъ былъ въ это время по плечу каждому—вотъ почему до сихъ еще поръ можно встрѣтить многихъ людей; которые сами себя называютъ друзьями Пушкина, отыскивая права свои на это званіе въ общихъ забавахъ и разсѣянности эпохи. Для шумныхъ похвалъ Пушкинъ писалъ тѣ легкія замѣтки, которыми оправдывалъ не долгое броженіе юности и воспѣвалъ вседневные предметы и образы. Съ людьми, понимавшими достоинство искусства, онъ молчалъ о нихъ и старался отвратить отъ нихъ вниманіе. Такъ при первомъ знакомствѣ съ Катенинымъ онъ выпытывалъ его мнѣніе о себѣ и упорно отказывался прочесть что-нибудь изъ своихъ рукописныхъ произведеній, говоря: «показать ихъ знающему стыдно: они не при немъ писаны». Но жизнь шла своимъ чередомъ и по заведенному порядку. Водоворотъ ея, постоянно шумный, постоянно державшій его въ раздраженіи, долженъ былъ имѣть вліяніе столько же на нравственное состояніе его, сколько и на физическую организацію. Спустя 8 мѣсяцевъ послѣ окончанія курса Пушкинъ лежалъ въ горячкѣ, почти безъ надежды и приговоренный къ смерти докторами, но, благодаря своей мощной натурѣ, онъ перенесъ болѣзнь благополучно и снова кинулся на прежнюю дорогу жизни.

Геній молодого поэта возрасталъ и крѣпъ несмотря на ту сферу, въ которой онъ вращался, и въ 1819 году достигъ той степени самостоятельности, когда уже можно это различить чистое творчество и твердые его пріемы. Предшественниками стихотвореній 1819 года были только даровитыя попытки, но и въ нихъ раннія черты бодрости и свѣжести таланта изумляли опыт-

ныхъ и зоркихъ людей, слѣдившихъ за его развитіемъ. Что касается до публики, то Пушкинъ былъ упоенъ ея похвалами за всѣ свои произведенія безразлично. Онъ усвоилъ себѣ въ это время четырехстопный ямбъ съ рифмами и сообщилъ ему гибкость, множество оттѣнковъ и разнообразіе, которыхъ онъ дотолѣ никогда не имѣлъ. Однакожъ безшабашная жизнь Пушкина продолжалась не долго. Друзья его единогласно свидѣтельствуютъ, что за исключеніемъ двухъ первыхъ годовъ его жизни въ свѣтѣ, никто не трудился надъ дальнѣйшимъ своимъ образованіемъ, какъ Пушкинъ. Онъ самъ, нѣсколько позднѣе, съ упрекомъ говорилъ о современныхъ ему русскихъ литераторахъ слѣдующее: «мало у насъ писателей, которые бы учились; большая часть только разъучиваются».

Съ первыхъ шаговъ своей литературной дѣятельности А. С. Пушкинъ принятъ былъ въ общество русскихъ литераторовъ, какъ достойный его членъ. Общество это носило названіе «Арзамазцевъ». Было въ то время въ Петербургѣ и другое литературное общество подъ названіемъ «Любители русскаго слова». Въ этомъ послѣднемъ засѣданія членовъ носили торжественный характеръ, тогда какъ у Арзамасцевъ онѣ имѣли характеръ дружественной бесѣды. Въ своемъ обществѣ А. С. Пушкинъ получилъ прозвище «Сверчокъ». Подъ этимъ именемъ онъ написалъ превосходную пьесу «Мечтатели», которая была напечатана въ «Сынѣ Отечества» 1818 года № 51, подпись была Св—ч—к. Въ этомъ произведеніи является уже ступень къ мужеству таланта и, какъ большая часть стихо-

творенiй Пушкина, пьеса связывается съ лицемъ и дѣйствительными событiями.

Въ это время Пушкинъ легко подчинялся всякой благородной личности. Въ эту эпоху жизни его мы встрѣчаемъ влiянiе на него замѣчательнаго человѣка и прiятеля его П. А. Катенина. Знакомство съ нимъ было довольно оригинальное—онъ просто пришелъ къ нему и, подавая ему свою трость, сказалъ: «я пришелъ къ вамъ какъ Дiогенъ къ Антисфену: побей—но выучи». На это Катенинъ отвѣчалъ: «ученаго учить—портить»,—отвѣчалъ Катенинъ. Съ тѣхъ поръ дружескiя связи ихъ не прерывались. Катенинъ былъ знатокъ языковъ и европейскихъ литературъ вообще и, можно сказать, ему былъ обязанъ Пушкинъ осторожностiю въ оцѣнкѣ иностранныхъ поэтовъ и научилъ его видѣть у нихъ достоинства тамъ, гдѣ другiе не видѣли. Въ 1818 году Катенинъ помирилъ Пушкина съ княземъ Шаховскимъ, извѣстнымъ въ то время комикомъ, а также съ актрисой А. М. Колосовой, дебюты которой Александръ Сергѣевичъ встрѣтилъ довольно злой эпиграммой.

Появленiе въ свѣтъ поэмы «Русланъ и Людмила» встрѣчено было публикой съ восторгомъ, хотя критика изобличала въ этомъ произведенiи непомѣрную вольность фантазiи автора.

И. А. Крыловъ, часто умалчивавшiй о странностяхъ въ людяхъ, по поводу придирчивой критики, написалъ слѣдующую эпиграмму, ходившую по рукамъ:

«Напрасно говорятъ, что критика легка.
Я критику читалъ «Руслана и Людмилы»:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка!»

Въ началѣ 1820 года Пушкинъ удаленъ былъ изъ Петербурга по распоряженiю начальства. Поводомъ къ удаленiю его были: его собственная неосмотрительность, заносчивость въ мнѣнiяхъ и поступкахъ, которыя вовсе не лежали въ существѣ его характера, но привились къ нему по легкомыслiю молодости. Не разъ онъ переступалъ черту, у которой остановился бы всякiй разсудительный человѣкъ и скоро дошелъ до края той пропасти, въ которую непремѣнно упалъ бы, если бы его не удержали снисходительность и попечительность самого начальства. Пушкинъ былъ переведенъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ канцелярiю попечителя колонистовъ южнаго края, генералъ-лейтенанта Ивана Никитича Инзова, благороднѣйшаго старца,; прямодушiе, честность и доброта котораго остались въ памяти всѣхъ его знавшихъ. Этотъ комитетъ находился въ Екатеринославлѣ. Съ прибытiемъ сюда Пушкина генералъ Инзовъ назначенъ былъ исправляющимъ должность полномочнаго намѣстника Бессарабской Области, куда переведенъ былъ въ г. Кишеневъ и комитетъ колонистовъ.

Вскорѣ по прибытiи своемъ въ Екатеринославъ Пушкинъ заболѣлъ мѣстною лихорадкою и былъ уволенъ своимъ начальствомъ для излеченiя болѣзни на Кавказъ, который поразилъ пламенное воображенiе поэта. Съ кавказскихъ водъ Але-

ксандръ Сергѣевичъ отправился землею черноморскихъ казаковъ въ Крымъ. Онъ ѣхалъ по Кубани, населенной воинственными и опасными племенами Черкесовъ. Устлабинская крѣпость, станица Черноморцевъ Екатеринодаръ—были наполнены свѣжими воспоминаніями набѣговъ этихъ племенъ и геройскихъ подвиговъ казаковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашихъ путешественниковъ сопровождалъ военный конвой съ заряженной пушкой. Такая обстановка путешествія радовала Пушкина. Онъ наслаждался приливомъ новыхъ, неизвѣстныхъ ему доселѣ чувствъ. Въ Тамани онъ увидѣлъ южное море, а вскорѣ и роскошные берега Крыма, о которыхъ такъ часто вспоминалъ потомъ въ своихъ чудныхъ стихахъ. Разница между обычными впечатлѣніями столичной жизни и тѣми, какія получались на Кавказѣ и во время путешествія, была неизмѣрима. Удовольствія столицы не имѣли ничего общаго со всѣмъ этимъ движеніемъ, разнообразіемъ картинъ, встрѣчаемыхъ на каждомъ шагу, съ трудами дня, крѣпащими тѣло и отдыхами, еще исполненными поэтическихъ впечатлѣній. Съ измѣненіемъ природы и общихъ впечатлѣній измѣнилось въ немъ и самое теченіе мыслей. Александръ Сергѣевичъ оставилъ намъ драгоцѣнную замѣтку о внутреннемъ своемъ переворотѣ въ стихотвореніи: «Погасло дневное свѣтило», которымъ онъ привѣтствуетъ Черное море. Побывавъ въ Керчи и Θеодосіи онъ ѣхалъ моремъ до Юрзуфа. Ночная картина моря не дала ему спать до разсвѣта.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Пушкинъ впервые является въ Кишиневѣ, но въ декабрѣ онъ былъ въ

Кіевской губерніи, въ деревнѣ одного изъ своихъ знакомыхъ. Тутъ онъ началъ писать свою прекрасную поэму «Кавказскій плѣнникъ». Въ 1821 году онъ пріѣхалъ въ Кишиневъ, гдѣ генералъ Инзовъ принялъ его въ свой домъ, въ которомъ онъ прожилъ до 1822 года. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ онъ переѣхалъ въ Одессу, такъ какъ былъ зачисленъ въ канцелярію одесскаго генералъ-губернатора графа М. С. Воронцова. Ровно черезъ годъ онъ былъ вовсе уволенъ отъ службы и переведенъ на жительство въ Псковскую губернію въ деревню Михайловское, имѣніе своей матери.

Живя въ деревнѣ Пушкинъ былъ очень простъ во всемъ, что касалось его внѣшней обстановки. Одѣвался онъ довольно небрежно. Имѣть простую комнату для литературныхъ занятій было его потребностію таланта и условіемъ производительности. Онъ не любилъ картинъ въ своемъ кабинетѣ и голая, серенькая комната давала ему болѣе вдохновенія, чѣмъ роскошный кабинетъ съ эстампами, статуями и богатой мебелью, которыя обыкновенно развлекали его. Вообще привычки его были просты, но вкусы и наклонности не походили на нихъ. Такъ поздніе обѣды въ Михайловскомъ были довольно прихотливы и кромѣ книгъ, куда уходили деньги его, былъ имъ еще другой истокъ—это страсть къ карточной игрѣ, которой онъ предавался иногда съ необычайнымъ жаромъ. Карты поглотили много трудовъ его, унесли добрую часть доходовъ, полученныхъ имъ съ сочиненій. Въ одномъ отрывкѣ изъ своихъ записокъ онъ простодушно разсказываетъ довольно забавный анекдотъ изъ своей

жизни: «15 октября 1827 года. Вчерашній день былъ для меня замѣчателенъ. Пріѣхавъ въ Боровичи, въ 12 часовъ дня, засталъ я проѣзжающаго въ постелѣ. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ недостало у меня 5 рублей. Я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой проигралъ 1,600 р. Я расплатился довольно сердито, взялъ взаймы 200 рублей и уѣхалъ очень недовольный самимъ собою».

Въ Михайловскомъ Пушкинъ создалъ много замѣчательныхъ своихъ литературныхъ произведеній и между прочимъ нѣсколько русскихъ сказокъ, которыя были плодомъ бесѣдъ его съ любимою нянькой своей Ариной Родіоновной.

Лѣто 1826 года было знойно въ Псковской губерніи. Недѣли проходили безъ облачка на небѣ, безъ освѣжительнаго дождя и вѣтра. Пушкинъ почти бросилъ всѣ свои занятія и искалъ прохлады въ садахъ деревенскихъ въ Тригорскомъ и Михайловскомъ и ожидалъ съ нетерпѣніемъ осени, которая приносила ему бодрость и веселье. 3 сентября получено было въ Псковѣ всемилостивѣйшее разрѣшеніе на просьбу Пушкина о дозволеніи ему пользоваться совѣтами столичныхъ докторовъ. Державная рука, снисходя къ его прошенію, вызвала его въ Москву, возвратила его городской жизни, которую онъ такъ любилъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указала ему обязанности, лежавшія на немъ, какъ на гражданинѣ и писателѣ, который долженъ употребить свои отличныя способности на преданіе потомству славы нашего отечества. Тотчасъ по при-

бытіи въ Москву Пушкинъ имѣлъ счастіе быть представленъ Государю Императору. Впослѣдствіи, во всѣхъ случаяхъ своей жизни, Пушкинъ вспоминалъ о наставленіяхъ преподанныхъ ему въ это время отеческою снисходительностію Монарха, не иначе, какъ съ чувствомъ благоговенія и умиленіемъ.

Москва приняла его съ восторгомъ и, долго лишенный удовольствій столицы, онъ предался имъ съ энергіей, которая было заснула въ деревнѣ. Всю почти зиму онъ не брался за перо, наслаждаясь и славой, которая всюду встрѣчала его и заискивающимъ вниманіемъ окружающихъ. Успѣхи въ обществѣ снова стояли на первомъ планѣ въ его жизни и снова овладѣла имъ та жажда перемѣны мѣстъ, те исканіе впечатлѣній, встрѣчъ и происшествій, какими отличалась его молодость и, преимущественно, его одесская и кишиневская жизнь. Утомленіе явилось и тутъ въ свою очередь въ концѣ 1829 года, какъ прежде мы видѣли въ Михайловскомъ, пять лѣтъ тому назадъ.

Едва осмотрѣвшись въ Москвѣ, Пушкинъ уѣхалъ снова въ деревню для приведенія въ порядокъ твоихъ дѣлъ и преимущественно для разбора и укладки книгъ своихъ, которыя намѣревался отправить въ одну изъ столицъ. Въ половинѣ ноября онъ снова возвратился въ Москву, гдѣ и пробылъ до мая мѣсяца 1827 года, когда получилъ дозволеніе на пребываніе въ Петербургѣ.

Наконецъ для А. С. Пушкина наступило время того счастія, о которомъ онъ, по свидѣтельству своего брата Льва Сергѣевича, всегда мечталъ— счастіе семейной жизни. 18 февраля 1831 года онъ былъ обвѣнчанъ съ Н. Н. Гончаровой въ Москвѣ, въ церкви стараго Вознесенія. День его рожденія, какъ извѣстно, былъ также въ праздникъ Вознесенія Господня. Обстоятельство это онъ не приписывалъ одной случайности. Важнѣйшія событія его жизни, по собственному его признанію, совпадали съ днемъ Вознесенія. Незадолго до своей смерти онъ задумчиво разсказывалъ объ этомъ одному изъ своихъ друзей и передалъ ему твердое свое намѣреніе выстроить, со временемъ, въ Михайловскомъ, церковь Вознесенія Господня Упоминая о таинственной связи всей своей жизни съ однимъ великимъ днемъ духовнаго торжества, онъ прибавилъ: «ты понимаешь, что все это произошло не даромъ и не можетъ быть дѣломъ одного случая». Въ концѣ своей жизни Пушкинъ былъ проникнутъ весьма живымъ и теплымъ религіознымъ чувствомъ.

Новобрачные жили еще въ Москвѣ до весны, но послѣ Святой недѣли уѣхали въ Петербургъ. Пушкинъ остановился по своему обыкновенію въ Демутовомъ трактирѣ. Довольно долгое время онъ употребилъ на пріисканіе себѣ дачи. Не желая тратить денегъ на временный наемъ квартиры въ городѣ, онъ переѣхалъ съ супругой своей въ Царское Село и поселился на все лѣто тамъ. Онъ чувствовалъ себя довольнымъ хотя письмо его отъ этого времени носитъ слѣды заботливости объ устройствѣ своихъ дѣлъ и будущности. Новыя обязанности лежали на немъ,

да и наступила та пора разсчета съ прошлою жизнію поправамъ ея промаховъ и увлеченій, которыя рано или поздно наступаетъ для всѣхъ и каждаго. Онъ начиналъ ликвидацію своихъ молодыхъ годовъ и притомъ съ безпокойствомъ и неопытностію, которая по временамъ выражалась простодушно. Любопытны его замѣтки о мелкихъ подробностяхъ жизни, которыя такъ близко выводятъ людей предъ наши глаза: „теперь кажется все уладилъ и буду жить по тихонью безъ экипажа, слѣдовательно безъ лишнихъ расходовъ“.

14-го ноября 1831 года онъ былъ зачисленъ на службу въ вѣдомство Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, но съ особенною Высочайшею милостію—жалованьемъ по пяти тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ, которая была предтечей многочисленныхъ щедротъ и благодѣяній, излившихся потомъ, какъ на самаго поэта, такъ и на все его семейство.

Жизнь Пушкина въ Царскомъ Селѣ не прошла безъ минутъ отданныхъ вдохновенію, не смотря на преимущественныя его занятія по устройству своей будущности, нэ смотря на силу первыхъ наслажденій семейной жизни, которая можетъ статься, и была причиной сравнительно меньшей литературной его дѣятельности въ этотъ годъ. Въ виду смущенной Европы и укрощенія Польскаго мятежа внутри Имперіи, Пушкинъ возвысилъ патріотическій голосъ, исполненный энергіи. Съ Державина Россія не слыхала столь мощныхъ звуковъ. 5-го августа написано было въ Царскомъ Селѣ стихотвореніе: «Клеветни-

камъ Россіи, за которымъ вскорѣ послѣдовала: «Бородинская Годовщина».

Только въ октябрѣ 22 числа онъ переѣхалъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ на квартиру, нанятую на Галерной, въ домѣ Брискорнъ. Тутъ онъ предался со всею страстію своей пылкой натуры новой работѣ. Ему разрѣшено было посѣщать Государственные архивы для изслѣдованій. 7-го января 1833 года онъ былъ принятъ въ члены Императорской Россійской Академіи и дипломъ выданный ему на это званіе 13-го числа того же года скрепленъ подписью тогдашняго Президента ея Адмирала Алексадра Семеновича Шишкова. Въ декабрѣ 1833 года онъ представилъ на разсмотрѣніе Исторію Пугачевскаго бунта и получилъ дозволеніе на ея печатанье вмѣстѣ съ двумя наградами. 31-го декабря 1833 года Всемилостивѣйше пожалованъ онъ въ Камеръ-Юнкеры Двора Его Императорскаго Величества и напечатанье книги дано ему заимообразно 20 тысячъ рублей ассигнаціями, съ правомъ избрать для сего одну изъ казенныхъ типографій. Осенью 1834 года исторія отпечаталась и поступила въ продажу. Черезъ три мѣсяца Пушкинъ шутливо писалъ къ Нощикину: «Пугачевъ сдѣлался добрымъ исправнымъ плательщикомъ оброка... Денегъ принесъ онъ мнѣ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я вдолгъ, то ничего не остается у меня за пазухой и все идетъ на расплату».

Въ началѣ 1837 года смерть неожиданно свела Пушкина съ жизненнаго и литературнаго поприща. Причины и обстоятельства, породившія

катострофу были: легкомысленное пониманіе жизни и характеровъ, неосновательный, злорѣчивый говоръ молвы, какое часто бываетъ въ городахъ и возникаетъ по собственному ничтожеству своему и по презрѣнію, которое рано или поздно наказываетъ его—произвели здѣсь гибельныя послѣдствія. Они встрѣтили пылкій характеръ, который придалъ имъ значеніе, гораздо болѣе того, какое они заслуживали, и сдѣлалъ ихъ орудіемъ преждевременной и мучительной смерти. Раздраженный упорствомъ клеветы, Пушкинъ не сохранилъ разсудительности и хладнокровія, нужныхъ для предоставленія ее собственному позору. Въ праздной и неблагородной насмѣшкѣ онъ видѣлъ мнѣніе свѣта, которое въ его глазахъ было дѣломъ большой важности. Энергія, неутомимость и сосредоточенный въ себѣ гнѣвъ, съ какими выступилъ онъ противъ первыхъ легкомысленныхъ проявленій злорѣчія, уже предвѣщали неминуемую катастрофу. Съ ходомъ всего дѣла Пушкинъ воспламенялся все болѣе, и наконецъ, ослѣпленный гнѣвомъ и негодованіемъ, сдѣлался жертвою столько же чужаго легкомыслія, сколько и своего огненнаго, неукротимаго характеръ. Смертельно раненный на поѣдинкѣ съ г. Дантессомъ 27 го января 1837 года, онъ скончался 29-го января въ пятницу въ три четверти третьяго часа пополудни.

Всѣ попытки его друзей отвратить этотъ ударъ остались тщетны. Въ самый день поѣдинка они везли обоихъ противниковъ чрезъ мѣсто публичнаго гулянья, нѣсколько разъ останавливались, роняли нарочно оружіе, надѣясь еще на благодательное вмѣшательство общества, но всѣ ихъ

усилія и намеки остались безуспѣшными. Только по окончаніи гулянья на Каменномъ Островѣ одна дама, знакомая Пушкину, получивъ извѣстіе, что видѣла его и Дантесса, торопившихся другъ за другомъ и опоздавшихъ на общее веселье, только она догадалась о событіи и воскликнула съ живымъ выраженіемъ страха. «Тутъ должно случиться несчастіе! Поѣзжайте за ними». Но уже было поздно.

Пушкинъ былъ смертельно раненъ выстрѣломъ противника, упалъ и нѣсколько мгновеній лежалъ безъ чувствъ въ снѣгу. Поднявшись, онъ перемѣнилъ пистолетъ, потребовалъ, чтобы противникъ, подбѣжавшій было къ нему, возвратился на свое мѣсто и, собравъ всѣ свои силы послалъ ему выстрѣлъ; при этомъ онъ радостно воскликнулъ, замѣтивъ, что противникъ, легко раненный въ руку, упалъ. Покамѣсть Дантессъ садился въ сани Пушкина и отправился домой, послѣдняго перенесли въ карету, заранѣе приговленную семействомъ его соперника на случай несчастія. Пушкинъ поглядѣлъ еще вслѣдъ удаляющагося врага и прибавилъ: „Мы не все кончили съ нимъ,“ но уже все было кончено и другой рядъ болѣе возвышенныхъ и болѣе достойныхъ мыслей, ожидалъ умирающаго въ его домѣ. Карета медленно подвигалась на Мойку, къ Пѣвческому мосту. Раненый Пушкинъ чувствовалъ жгучую боль въ лѣвомъ боку, говорилъ прерывистыми фразами и, мучимый тошнотою, старался преодолѣть страданія предвѣщавшія неизбѣжную смерть. Нѣсколько разъ принуждены были останавливаться, потому что обмороки слѣдовали одинъ за другимъ и сотрясеніе кареты ослабляло

силы раненаго. По прибытіи къ дому, Пушкинъ остался въ каретѣ, между тѣмъ какъ спутникъ его сошелъ для исполненія самой тяжкой обязанности—предувѣдомленія домашнихъ о случившемся несчастіи. Камердинеръ Пушкина вынесъ его на рукахъ изъ кареты и раненый ласково спросилъ его: «грустно тебѣ нести меня».

Жена Пушкина, спокойно занимавшаяся въ своей гостинной, при первомъ намекѣ о бѣдствіи, стремительно бросилась къ кабинету мужа, но Пушкинъ не допустилъ ее къ себѣ въ первое время, боясь неожиданности впечатлѣнія. Онъ уже лежалъ на диванѣ, когда она вошла въ кабинетъ, взялъ ея руки, поднесъ ихъ къ губамъ своимъ и сказалъ: „Благодарю Бога, я еще живъ и ты возлѣ меня".

Извѣстіе о кончинѣ Пушкина быстро распространилось по Петербургу. Люди всѣхъ сословій приходили поклониться гробу того человѣка, который такъ много доставлялъ всѣмъ высокихъ духовныхъ наслажденій въ жизни. Домъ его съ утра до вечера былъ наполненъ народомъ, который видѣлъ въ прахѣ этомъ утрату надеждъ своихъ на будущее.

А. С. Пушкинъ не оставилъ по себѣ никакого состоянія. По повелѣнію Государя на похороны его было отпущено отъ казны 10 тысячъ рублей ассигнаціями. причемъ прахъ его повелѣно проводить въ Святогорскій монастырь,

Псковской губерніи, въ 4 верстахъ отъ Михайловскаго принадлежавшаго Пушкину, а исполненіе этого повелѣнія возложено было на А. И. Тургенева. При громадномъ стеченіи народа происходило отпѣваніе тѣла покойнаго въ придворной церкви въ Конюшенной улицѣ 1-го февраля. Площадь передъ нею была покрыта толпами, которыя не могли помѣститься въ самой церкви. При послѣднемъ цѣлованіи Жуковскій прижалъ къ груди своей бездыханное тѣло и долго оставался въ такомъ положеніи безмолвно.

Приводимъ здѣсь стихи Лермонтова на смерть Пушкина, которыя должны прейтись по сердцу всякому русскому человѣку, сколько-нибудь интересующему съ дѣломъ отечественной литературы:

Погибъ поэтъ, невольникъ чести
Палъ оклеветанный молвой.
Съ свинцемъ въ груди. съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой!

Невынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ.
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде—и убитъ!

Убитъ!.. Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ,
И жалкій лепетъ оправданья,—
Судьбы свершился приговоръ!

Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный чудный даръ
И, для потѣхи, возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ...

Что жъ? Веселитесь!.. Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!

Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.

И что за диво?.. Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,

Смѣясь онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что онъ руку подымалъ!

*
* *

И онъ погибъ и взятъ могилой
Какъ тотъ пѣвецъ, невѣдомый, но милый
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою силой

Сраженный, какъ и онъ безжалостной рукой.
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы просто-
душной.
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и
душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?..

Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ лож-
нымъ
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,

Увитый лаврами надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравлены его послѣднія мгновенья
нымъ ш

Ковар опотомъ безчувственныхъ невѣждъ'
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,

Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ.
Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!

Въ 1880 году, въ Москвѣ, на Тверскомъ бульварѣ, воздвигнутъ памятникъ Александру Сергѣевичу Пушкину, великому Русскому поэту.

Конецъ.

ИЗДАНІЕ
Евдокіи Ивановны
КОНОВАЛОВОЙ

1) Никольская ул., д. гр. Орлова-Давыдова.
2) Солянская площадь, д. Волкова, противъ бассейна.

въ Москвѣ.

ПРИКАЗ №_______

Иваново „____“ ________________ 196

